

Елена Айзенштейн

**Сестра
МОЯ
зверь**

*О зоологическом
мифе Алексея
Цветкова*

Елена Айзенштейн
Сестра моя зверь.
О зоологическом мифе
Алексея Цветкова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9305468

ISBN 9785447406066

Аннотация

Книга посвящена творчеству одного из самых интересных поэтов нашего времени – Алексею Цветкову. Алексей Цветков – поэт, творчество которого хотя и бывало предметом литературных и научных работ, но под таким углом рассматривается впервые. Автор книги попытался показать одну из наиболее выразительных и заметных его тем.

Содержание

«Сборник пьес для жизни соло» (1978)

7

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Сестра моя зверь О зоологическом мифе Алексея Цветкова

Елена Айзенштейн

© Елена Айзенштейн, 2019

ISBN 978-5-4474-0606-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Написать о поэзии Цветкова меня побудили дружеское чувство (дружбы на Фейсбуке иногда так и возникают: сначала дружишь с человеком, а потом уже начинаешь знакомиться с тем, что он написал) и случайность: в магазине «Порядок слов» на Фонтанке я купила новую книжку, которая каким-то чудом оказалась непроданной в течение тринадцати лет!

«Дивно молвить»¹ – так называется книга Алексея Цветкова, изданная «Пушкинским фондом» у нас в Петербурге, на Мойке, в 2001 году. И хотя автор давно живет за океаном, но его книга самим изданием, да и некоторыми строка-

---

¹ Все ссылки приводятся по кн.: Цветков Алексей. Дивно молвить. Собрание стихотворений. СПб., Пушкинский фонд, 2001.

ми и образами связана с Ленинградом. Для тех, кто не в курсе: Цветков родился 2 февраля 1947 года на Украине, в Станиславе (Ивано-Франковске) учился сначала на химическом факультете Одесского университета, а затем на истфаке и журфаке МГУ. Его ближайшее поэтическое окружение – Б. Кенжеев, С. Гандлевский, А. Сопровский. Он начинал в поэтической группе «Московское время». Поэт эмигрировал в США в 1975 году, учился в Мичиганском университете (доктор философии), затем преподавал русскую литературу в колледже Дикинсон, работал журналистом на радио «Свобода» в Мюнхене и Праге. В настоящее время А. Цветков – политический обозреватель радио «Свобода» в Нью-Йорке. Алексей Цветков – поэт сложившийся, у которого в русской поэзии есть определенная репутация: он лауреат Премии Андрея Белого (2007), лауреат Русской премии (2011). Можно сказать, Цветков – поэт поколения, идущего следом за Бродским (Шварц, Седакова и др.) Я не говорю здесь о каком-то ином единстве, кроме возрастного. И не случайно упоминаю о Бродском, хотя поэзия Цветкова совершенно иная. Просто оба поэта уехали из страны в семидесятые, оба, оказавшись вне России, продолжали творчество за границей на русском языке, и в своих текстах Цветков не раз вспоминает Бродского. С конца 80-ых Алексей Цветков обратился к прозе, а спустя 17 лет вернулся в поэзию, и в 2004 году издал новую книгу стихов. Книга «Дивно молвить» – одна из первых его книг, изданных в России

(2001), и последнее, что Цветков сделал в поэзии, прежде чем замолчал на 17 лет – вот почему особенно важно к ней обратиться.

«Сборник пьес для жизни соло» (1978)

Первый раздел, о котором мы будем говорить, отдельной книгой был издан в 1978 году в Ардисе, в Ann Arbor. Там же позднее были опубликованы второй (1981 г.) и третий (1985 г.) разделы книги «Дивно молвить». Затем в «Пушкинском фонде» сборник стихотворений был издан в 1996-ом, а дальше вышла книга «Дивно молвить», которая, как видно из предшествующих публикаций, была итоговой для автора. При чтении обнаружилось, что Цветков, с одной стороны, не отрешается от наследия классиков в лице Мандельштама и Пастернака, с другой, имеет свое лицо, узнаваемое, хотя и несколько хмурое. Наш интерес к творчеству Цветкова связан и с его непростой поэтической биографией. Первая часть «Дивно молвить», «Сборник пьес для жизни соло», содержит 110 стихотворений. Не могу не соотнести эту первую книгу поэта с первой книгой Цветаевой «Вечерний альбом», в которой тоже 110 текстов +1 стихотворение-посвящение. Вряд ли специально старался Цветков как-то в этом направлении, вряд ли думал о таком сходстве (?), хотя к Цветаевой явно небезразличен: не случайно в одном из его стихотворений фигурирует Елабуга. Хочет автор или нет, но он все равно цветаевский «родственник» в поэзии, строптивый, упря-

мый, одинокий.

Второй раздел «Состояние сна» (1980) включает 52 стихотворения, третий, «Эдем», 58 стихотворений (+ английский эпиграф и посвящение), наконец, самый последний «Mirabile dictum» – 4 стихотворения. Как видим, части неравны по объему. Их неравенство задано автором, имеет свой символический смысл. Вторая и третья части книги демонстрируют численную равноценность, с первой частью они соотносятся как $\frac{1}{2}$. А последняя часть настолько мала, что резко контрастирует с предшествующими и представляет собой как будто обрывок недоговоренного слова. Состав книги даже численно словно обозначает постепенный отказ от выражения себя в «дивном» слове.

Многие образы в стихах Цветкова, не только в данной книге, но и в творчестве в целом, связаны с зоологическим миром. Здесь и птицы, и собаки, и обезьяны, и мыши, и туша носорога, и «робость оленья», и пчёлы, и кролик, и бронтозавры, и лемуры, и пауки, и землеройка, и медведь, и рысь, и змеи, и бабочки, и саранча, и червь из банки, и жуки, и цикада. Здесь есть «перелетный барсук», кентавр, корова, кошка, еноты, «рыба молодая», «августейшая лошадь», пегас, вол, змея, вепрь и стая коров. Из птиц – ласточка, коршун, дятел, волшебная птица феникс, птица ворон, ловкий орел, стрижи, канарейка, сова, соловей, ворона, воробей, журавли. Тексты заселены собаками разных пород, среди них – овчарка, «упряжной чукотский пес», болонка и литератур-

ная муму. Поэт отождествляет себя и с птицей: «Взойдет луна – и сослепу летишь, / Как комнатная птица, головой в простенок» (с. 7). Животное, стихийное, обезьянье начало должно быть побеждено творчеством, искусством: этой теме посвящено стихотворение «Природа слов тепла не лишена» (с. 10), в котором поэт соотносит словесное творчество со скульптурой, с живописью («Все выживет, в фонах камня»): «Гори, гори, словесный фейерверк, / Скрывая бред и сумрак обезьяний!» (с. 10); «Плетишь, Пегас, пока душа жива, / Вперед, вперед по лестнице звучащей» (с. 10). Часто поэт использует образ зверя в составе сравнения, эпитета или метафоры: «Тоска моя, наставница в отставке, / Забытый след овчаркою взяла» (с. 11), «И тучи гончими поджарыми / Срывались с привязи нестрогой» (с. 19), «Тишина, как ребенок, наморщила лобик, / Небывалой жар-птицей расправила хвост» (с. 33). Состояние природы переносится автором на человека и его разлуку: «Листва с берез летела стаями, / Как вальдшнепы к поре отстрела» (с. 19) Или: «Огромной ночи тушу носорожью / Вдруг хохотом безумным сотрясло» (с. 12), «Там путалась с дерзостью робость оленья» (с. 15). Впасть в подражанье Цветкову не удастся, хотя и хочется: «Но в грозу лиловы глаза и газоны, / И это, бесспорное, в нас от него» (с. 16). Основная примета родства с Пастернаком – в отношении к природе. Признание в одном из стихотворений «Я родом из Марбурга» (с. 15) заставляет увидеть в авторе пастернаковского наследника: «Но сло-

во местами настолько похоже, / Что в выборе предка сомнения нет» (с. 15). Но если Пастернак себя, как писала Цветаева, *ощущает* деревом, то Цветков, кажется, ближе к звериному, чем к древесному миру, хотя есть у него такая отсылка к стихам Пастернака, и, возможно, бессознательная, к стихам Цветаевой: «Я был бы навеки отрубленной веткой, / Побегом плюща у гранитной стены»² (с. 16). Именно связь с пастернаковской поэзией заставляет поверить в бессмертие души: «Мы крепкого корня, мы крови единой, / Литое бессмертие в нашем стволе» (с. 16).

Обратим внимание, что между животных образов Цветкова находим как реальных, так и мифологических зверей, а также зверя с волшебными или фантастическими признаками (перелетный барсук). В текст Цветкова часто включается мифологическая составляющая: «Серый коршун планировал к лесу. / Моросило, хлебам не во зло. / Не везло в этот раз Ахиллесе, / Совершенно ему не везло, / И копьё, как свихнувшийся дятел» (с. 21) Ахиллес, очевидно, образ самого поэта, которому тоже нужно сразиться с Гектором. Троянская война оказывается метафорой нашей жизни, в которой «все едино – ни Спарты, ни Трои» (с. 21). Видимо, из-за пастернаковских стихов возникает у Цветкова образ Евы, который перекликается с пастернаковским («Ева»): «Прощай, моя участь, волшебница Ева, / Легко ли тебе за другим?» (с.

---

² См. стихотворение Цветаевой «Брат», к Пастернаку: «Откуда звук / Ветки откромсанной?». У Пастернака: «Девочка».

23) И продолжением, словно о той же женщине, о жизни: «Прощай, моя молодость, феникс из пепла, / Зеленая ветка в костре» (с. 23) – образ преждевременной утраты молодости, насильственной с ней разлуки («И вновь через годы, без боли, без гнева...») – редкое стихотворение Цветкова о любви. Его самоуверенное отношение к небу напоминает раннего Маяковского: «Здравствуй, облако, будем знакомы, / Только имя свое назови» (с. 27)³

Когда речь заходит о старых стихотворных размерах, секстину, канцону и оду вспоминает Цветков, но отказывается от старых метров⁴, ему нужна свобода от старинных стихотворных размеров, а вот приверженность рифме («Знакомая рифма на тонкой стреле») остается. Метафора цирка лежит в основе стихотворения «Цирк», где автор видит людское существование в образах зрителей и артистов, лицедеев и поклонников, тех, кто живет над ареной и внизу, в партере. Видимо, для автора, все это человечество, и творческое, и пассивное, представляет собой некое единство: «Мы поднимемся вновь, ядовитые маки, / В раскаленных ладонях зажав контрамарки, / Как одно естество – человек и актер» (с. 33). Контрамарка этого стихотворения перекликается с пастернаковским талоном на место у колонн («Красавица моя, вся статья...»). Вероятно, двуединая природа человека и актера проецируется Цветковым на поэтическое и человеческое

---

³ См.: «Здравствуйте, Небо, / снимите шляпу: / я /иду» (Маяковский).

⁴ См. интерес к этим формам у О. Седаковой.

в самом себе. Это второе, низкое начало в «Невском триптихе» предстает через отождествление с лемурами: «Мы – глазастое племя, лемуры, / Совестьливого студня мазки» (с. 37). Лемуры, как злые духи, участвуют в финале трагедии Гёте «Фауст», когда душа Фауста должна оказаться в руках Мефистофеля, поэтому речь здесь о судном дне Фауста и автора, который ощущает себя в похожей роли (образ Фауста, а точнее, женского рода *фаусты*, позже использует Цветков в стихотворении «гиббон»). Он «самолетик с серебряной ниткой / Пауком над фабричной трубой» (с. 37), в нем соединены красота и некрасота, раненность жизнью и очарованность ее золотой пылью, поэтому можно предположить, что ему должен быть близок лесковский Флягин. Позже, в стихах другого периода, мы увидим лесковский образ: «очарованный житель в рощах твоих целебных»⁵ – так Цветков воспринимает себя в природе. Ленинградская реальность представляется поэту обезьяньим раем, с которой он жаждет слиться: «Уложи меня, мастер дорожный, / В основанье твоей мостовой» (с. 38). Основным художественным средством в его поэзии является метафора: «Над всем столетьем вздрагивает хрипло / Зари заката духовая медь» (с. 39), «спидометр сердца» (с. 41). И позже, уже в третьем разделе: «об этом и петь чтобы любое слово / гордилось высоким званием метафоры» (с. 222).

Желание, высказанное в одном из стихотворений писать

---

⁵ www.vavilon.ru

на латыни – жажда не современного, а вечного начала, с которым соотносятся судьба и творчество: «У фортуны известное дело – / Колесо летописной строки» (с. 42). Потребность писать «языком вымирающих трав» (с. 42) – попытка остаться с природой и ее языком. В авторе смешаны разные черты, он и силен, и слаб: ему хочется «на кухне из чашки с котенком/ Выпивать по утрам молоко» (с. 22). Образ творчества предстает в этих стихах как тяжелая тяжесть: «У гармонии тяжкие крылья,/ Терпеливая поступь кобыля/И копыта в ноябрьской грязи» (с. 22). Ироническое отношение к реальности передается в произведениях Цветкова через аллегорические описания: «Землеройки в погребах перевелись,/ передохли медведи,/ Воцарились заяц, лиса и рысь» (с. 44). Вымирание какой-то важной для автора части жизни, связанной с природным, естественным существованием, вынуждает к попытке создать *свою*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.